

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.28

Язык из Киева проведет*

Сергей Александрович Козлов, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация;
e-mail: sergeikozloff@mail.ru

Ключевые слова: Киевская Русь, Об управлении империей, Повесть временных лет, путь за варяг в греки, культурный перевод

The *Yazik* Will Lead from Kiev

Sergei A. Kozlov, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation; e-mail: sergeikozloff@mail.ru

Keywords: Kievan Rus', De administrando imperio, Primary Chronicle, Route from Varangians to Greeks, cultural translation

Первое и самое подробное описание знаменитого водного пути из Руси в Византию происходит из девятой главы византийского историко-дипломатического трактата «Об управлении империей» (*De administrando imperio, DAI*), озаглавленной «О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь».

Это уникальное свидетельство чрезвычайно информированного современника, датируемое на полтора столетия раньше летописного «пути из варяг в греки» и традиционно приписываемое императору Константину VII Багрянородному (номинально правил с 913, фактически — с 945 по 959 гг.), не раз становилось предметом дискуссий. С точки зрения ряда историков, у нас нет достаточных оснований

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-623.2020.6).

для утверждений, что непосредственным автором этого описания был личный посланник (василик) сопровителя Константина — Романа I Лакапина (920–944), направленный в Киев в 944 г. для ратификации договора с князем Игорем. Одни исследователи ссылаются на отсутствие надежных сведений о визите ромеев в еще дохристианский Киев и в качестве альтернативы предлагают считать, что данные *DAI* о Руси / руси были собраны в самом Константинополе, куда ежегодно прибывали русские купцы. Другие обращают внимание, что славянизмы гл. 9 искажены меньше, чем скандинавизмы, и делают вывод, что источником этих данных были славяноязычные болгары или славяне.

В докладе мы приведем новые аргументы в пользу гипотезы о посещении ромеями Киева в 944 г. и покажем, что оба возражения против нее не разрешимы при традиционном подходе к *DAI* как продукту чисто византийского словесного творчества, лишенного каких-либо локальных влияний. Для этого мы сделаем попытку «обратного перевода» гл. 9 с византиноцентристских позиций на исходный «язык» смешанного населения Руси и применим к ней определенную логику объяснения межкультурных взаимодействий — понимание чужой культуры как перевода, апробированную антропологами круга Э. Эванс-Причарда. Таким образом, нас будет интересовать не столько текст гл. 9, сколько процесс ее создания. Если посмотреть на гл. 9 с точки зрения процесса, то на первый план выходит вопрос о цепочке различных «посредников» (или агентов), участвовавших в сборе, переводе, систематизации и редактировании материалов о Руси / руси, в ходе которых исходное этнокультурное знание местных информантов было «переведено» в адаптированный для византийской аудитории текст на среднегреческом языке, доступный нам сегодня.

Конечным звеном этой цепочки, очевидно, был Константин Багрянородный, номинальный автор «дидактического» раздела *DAI* (гл. 1–13). Его руке принадлежит финальная

редактура и адаптация гл. 9 для сына Романа — будущего наследника престола и главного адресата трактата (использование греческих технических терминов и константинопольских топографических реалий, подчеркивание инструментальной роли печенегов в русско-византийской дипломатии).

Поскольку сам Константин VII не посещал Русь, в своей работе он должен был опираться на служебные записки и рапорты (условное «росское досье»), подготовленные послами и чиновниками ведомства дрома. Вопреки критике ряда ученых, гипотеза о посещении Киева ромейским чиновником, собравшим «росское досье», подтверждается не только содержательной перекличкой гл. 9 с Повестью временных лет (ПВЛ), на что обратил внимание Д. Оболенский¹, но и некоторыми формальными данными. В частности, жанровой формой гл. 9 (экфрастическое с элементами периплюческого жанра описание днепровских порогов и жертвоприношений руси на Хортице, выдающее наблюдения очевидца, принадлежавшего к византийской культуре) и ее местом в композиционной структуре *DAI* (сразу после 7-й и 8-й глав «о базиликах»).

Судя по скандинавизмам и славянизмам, зафиксированным в гл. 9, этот анонимный базилик контактировал в Киеве с кем-то из местных жителей. В их числе, очевидно, были представители правящего рода Рюриковичей, о чем говорит упоминание в пассаже 9.3–7 княжеских имен Святослава (Σφρευδοσθλάβος) и Игоря (Ἴγγωρ), а также Вышгорода (Βουσεύραδῆ), названного в ПВЛ «Ольгиным градом» (Лавр., стб. 60; Ипат., стб. 48).

Этому, на первый взгляд, противоречит «ославяненная» ономастика гл. 9 и немотивированная вариативность греческих огласовок городов «внешней Руси» (-γᾱρδ/-γᾱρδ), как будто исключающая русь из числа ее непосредственных информантов. Самым экономным объяснением этого противоречия является, однако, не замена руси на болгар или

славян, противоречащая «взгляду с реки / моря», а добавление недостающего промежуточного звена — славянских переводчиков. Это подтверждается указанием Ибн Хордадбеха, согласно которому устную речь русских купцов, торгующих с Византией, «переводят слуги-славяне», а также известие ПВЛ под 6415 (907) г., упоминающим в составе многоплеменной коалиции князя Олега, собранной для похода на Византию, «тиверцев, известных как толмачи» (Лавр., стб. 29; Ипат., стб. 21). Имеется, кроме того, одно известие специально для времени Константина VII, происходящее из трактата *De cerimoniis* (II, 15 (597.13, 15–16; 598.12 Reiske)) и называющего среди участников делегации княгини Ольги, которым полагались денежные подарки, неких переводчиков (ἑρμηνευταί), включая личного «переводчика архонтиссы» (ὁ ἑρμηνεύς τῆς ἀρχοντίσσης).

Посредничество славян-переводчиков в русско-византийских переговорах находит дополнительное основание в пассаже *DAI* о днепровских порогах (9.24–65). В нем описаны семь порогов, местные названия которых даны в греческой транслитерации, причем, в пяти случаях приведены два названия каждого из порогов «по-русски» и «по-славянски»: 1) Ἐσοουπῆ, что переведено как «не спи»; 2) Οὐλβοροί/Ὀστροβουνηπράχ, «островок порога»; 3) Γελανδρί, «шум порога»; 4) Αειφόρ/Νεασήτ, назван по гнездовью пеликанов (др.-рус. неаьсыть); 5) Βαρουφόρος/Βουληνηπράχ, «кипение воды»; 6) Λεάντι/Βερούτζη, назван из-за большой заводи; 7) Στρούκουν/Ναπρεζή, «малый порог».

Хотя содержательно данный пассаж словами ромейского посла воспроизводит лоцию порожистого участка Днепра, несомненно, отсылающую к судоходной практике руси², формально-лингвистически почти все названия порогов для византийской аудитории пояснены из древнерусского (древневосточнославянского) языка, а сами «славянские» названия, как отмечалось выше, подверглись меньшему искажению,

чем «росские», что убедительно объясняется гипотезой о славянах-переводчиках.

Из-за дефицита данных трудно однозначно установить, присоединился ли василик к торговому каравану руси или, наоборот, некий проводник из руси сопровождал ромейское посольство, возвращавшееся по днепровскому пути из Киева, как предполагают авторы московского издания *DAI*³. Исходя из содержания гл. 9, первое предположение кажется более вероятным. Иначе придется допустить, что византийская посольская делегация в полном составе отправилась в «мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание» (9.102–104), что противоречит не только путевому описанию *DAI*, но и соображениям дипломатической безопасности⁴.

Итак, «культурный перевод» 9 гл. *DAI* дает новую информацию о дипломатических каналах Византии и, в частности, позволяет судить о локальных посредниках в ее контактах с Русью. Судя по всему, основу «росского досье» составили сведения, полученные через посредство славянских переводчиков от русских элит Киева (видимо, из числа Рюриковичей), чем и объясняется та глубина познания в языке и культуре киевской руси, которую демонстрирует *DAI*. Учитывая, что каналы коммуникации ромеев в Восточной Европе не распространялись севернее Крыма и Степи, как об этом говорят наши источники, можно сделать вывод, что само это «досье» стало возможным благодаря инфраструктуре и практикам, сложившимся на Руси для функционирования международной торговли. Это позволяет представить более сложную картину русско-византийских отношений до крещения Руси, чем это обычно считается.

Примечания

¹ Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio: A Commentary* by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman / ed. by R.J.H. Jenkins. Vol. II. London, 1962. P. 19.

² Ср. указание гл. 9.45–50, связывающее с порогом Λειφόρ/Νεασοῖτ наибольшую угрозу для торговых караванов руси, с аналогичными свидетельствами скандинавских рунических надписей: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. М., 2001. С. 296, 337.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей / ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 293.

⁴ О маршруте «василика Романа I Лакапина» см.: *Козлов С.А.* Василики на путях Гардарики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10/9. URL: <https://history.jes.su/S207987840007494-2-1> (дата обращения: 02.02.2020).

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.08

Переписка П.А. Сырку как источник по содержанию личной библиотеки

Дарья Юрьевна Чернышенко, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: gaal.freude@gmail.com

Ключевые слова: личные библиотеки, славистика, переписка, П.А. Сырку

Correspondence of P.A. Syrku as a Source for the Contents of a Personal Library

Daria U. Chernyshenko, Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Keywords: personal libraries, Slavic studies, correspondence, P.A. Syrku

Эпистолярное наследие ученых представляет собой уникальный исторический источник. Большие комплексы переписки опубликованы и представлены в тематических сборниках и изданиях частных архивов видных деятелей науки и культуры XIX–XX вв. Перед исследователем возникают задачи обнаружения, классификации, восстановления